

СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ – РАЗВИТИЕ» В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТ ДЕКОНСТРУКЦИИ К КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ¹

ВЛАДИМИР БАРТЕНЕВ

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В конце XX – начале XXI века международно-политический лексикон пополнился целым рядом новых понятий, часть из которых составлена из ранее активно использовавшихся категорий. Одной из таких дискурсивных инноваций стало растущее число упоминаний связки «безопасность – развитие» (*security-development nexus*). Несмотря на прочное закрепление в политическом лексиконе в 2000-х годах, она остается предметом жарких дебатов в научной среде. Целью настоящей статьи стало выявление истоков становления этого концепта и систематизация основных подходов к его осмыслению. В первом разделе статьи определяются исторические предпосылки увязывания вооруженных конфликтов и вызовов развитию, обозначаются основные этапы формирования соответствующего дискурса за рубежом. Появление «связки» обусловлено окончанием «холодной войны» и возникновением многочисленных «комплексных чрезвычайных ситуаций» в развивающихся странах в 1990-х годах. В ходе их осмысления произошла «девелопментализация безопасности». Чуть позднее теракты 11 сентября 2001 г. в США и «глобальная война с терроризмом» вызвали «секьюритизацию развития». Во втором и третьем разделах обобщаются аргументы сторонников и критиков «связки». Первые солидаризируются с дискурсом международных организаций и национальных агентств развития крупнейших стран-доноров и оперируют статистическими данными. Доводы критиков «связки» носят более теоретически фундированный характер и сводятся к четырем основным претензиям к конструкту: 1) амбивалентность содержания; 2) политическая ангажированность; 3) губительные политические последствия; 4) слабость эмпирической базы.

В заключении обозначаются исследовательские ниши, которые могут быть заполнены с применением контексто-ориентированного подхода к осмыслению вопросов международной безопасности и вызовов развитию в их взаимосвязи. К наиболее перспективным направлениям исследований отнесены: 1) сравнительный анализ эволюции подходов различных субъектов международных отношений к понятиям «безопасность», «развитие» и их «связке»; 2) исследование дискурса на внутригосударственном уровне, сопоставление взглядов различных министерств и ведомств на наиболее сложные и актуальные проблемы, лежащие на стыке безопасности и развития; 3) сравнительный анализ политики различных стран-доноров в избранных «нестабильных государствах»/регионах; 4) изучение влияния императивов бюджетной экономии на политику ведущих стран мира в сфере оказания помощи развивающимся странам.

Ключевые слова:

безопасность; развитие; содействие международному развитию; конфликты; помощь; секьюритизация; развивающиеся страны; страны-доноры; «нестабильные государства».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 15-18-30066).

Для связи с автором / *Corresponding author*:
Email: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

На рубеже XX и XXI веков международно-политические исследования обогатились новым терминологическим аппаратом. Появление некоторых понятий обусловлено технологическими инновациями (в частности, они заставили уделять внимание таким явлениям, как «кибербезопасность» и «твитпломатия»), возникновение других – усложнением политических процессов («асимметричные войны», «неудавшиеся государства», «цветные революции», «мягкая/жесткая/умная сила», «многоуровневое управление»). Вместе с тем появились и «гибридные» термины, составленные из хорошо знакомых понятий, но призванные отобразить принципиально новую реальность.

Среди новшеств последней группы значимое место занимает конструкт связка «безопасность – развитие» (*security – development nexus*), который стал результатом осмысления сначала опыта войн 1990-х годов, а затем терактов 11 сентября 2001 г. в США. Тем не менее и сегодня, спустя два десятилетия после утверждения в международно-политическом дискурсе, он остается предметом оживленных дебатов в академической среде. Исследователи по-прежнему спорят не только о содержательном наполнении понятия, но и о праве самого термина на существование. «Связка», по мнению эксперта британского Института международного развития Л. Денни, признается девелопменталистским сообществом в качестве объективно существующего феномена, но не в качестве теоретического конструкта [Denney 2015: 135].

В условиях резкого возрастания конфликтности в мире, активизации деятельности вооруженных негосударственных игроков, а также принятия новой глобальной повестки дня в области развития на период до 2030 года (в ней вопросам мира и безопасности уделяется большее внимание по сравнению с Целями развития тысячелетия) представляется важным определить исторические предпосылки возникновения «связки», обобщить аргументы ее сто-

ронников и противников и обозначить исследовательские ниши, в заполнение которых могут внести вклад российские специалисты.

1

Понятия «безопасность» и «развитие» вошли в политический лексикон много веков назад [Hettne 2010], однако устойчивые международно-политические определения они получили только после Второй мировой войны. Так или иначе, проблема отставания в развитии с момента ее политической постановки всегда подвергалась *секьюритизации*². Начиная с Плана Маршалла и программы Четвертого пункта Г. Трумэна невоенная помощь выполняла как идеологическую функцию, будучи аргументом в борьбе конкурирующих моделей развития, так и стратегическую, являясь для «сверхдержав» и их союзников средством управления политической ситуацией в странах «третьего мира» и обеспечения интересов национальной безопасности [Hettne 2010: 41].

В процессе научного осмысления понятия «безопасность» и «развитие» в годы «холодной войны» оказались разведены по различным субдисциплинам. Как результат, исследования в области безопасности (*security studies*) и исследования в области развития (*development studies*) проводились в значительной степени параллельно и практически без оглядки друг на друга. Многие специалисты склонны считать это разграничение сознательным [Tschirgi 2006: 41; Fukuda-Parr 2010: 18]. Экономисты редко рассматривали конфликты как препятствие для борьбы с бедностью, а анализ гражданских войн ограничивался преимущественно изучением их геостратегических, политических, социальных и этноконфессиональных причин [Fukuda-Parr, 2010: 20].

Первые изменения в дискурсах по проблемам безопасности и развития начали происходить еще в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов. С одной стороны,

² Подробнее о концепции и феномене секьюритизации см.: [Макарычев 2008; Морозов 2011].

предметная область изучения международного развития стала включать в себя не только вопросы содействия экономическому росту, но и проблемы защиты окружающей среды, обеспечения прав человека, повышения качества политических институтов [Глазунова 2013]. С другой стороны, начался процесс одновременного расширения понимания безопасности (включения в него новых сфер — экономической, энергетической, экологической), а также его углубления — изменение референтного объекта и перенесение акцента с безопасности государства на безопасность социальных групп и индивидов [Buzan and Hansen 2009; Рыхтик 2002; Сергунин 2005; Цыганков 2010].

Углублению в немалой степени способствовало становление исследований проблем мира и, в частности, труды Й. Галтунга. Последний ввел разграничение «негативного мира» как отсутствия вооруженного насилия и «позитивного мира» как состояния, при котором индивиды не испытывают страха вооруженного или *структурного насилия*, включающего в себя голод и болезни, социальную несправедливость в распределении ресурсов, загрязнение окружающей среды, закрепление неравных возможностей [Galtung 1969]. Консолидация этой исследовательской программы обеспечила постепенную интеграцию проблем международного развития в исследования проблем мира. Эту работу в значительной степени взяли на себя специалисты из скандинавских стран. Не случайно связь «безопасность — развитие» в качестве научной категории была впервые введена в академический дискурс шведским исследователем Бьорном Хеттне [Hettne 1983]. Несмотря на то, что изначально термин широкого распространения не получил, в 1980-х годах вопросы развития стали на регулярной основе рассматриваться представителями нового исследовательского направления «Безопасность в “тре-

тьем мире”» (Third World Security Studies) [Ayooob 1984; Thomas 1987].

Тем не менее в биполярный период, за редким исключением, в научной литературе сохранялись «отдельные дискурсы о развитии (экономике, прогрессе, благосостоянии) и безопасности (мире, политике, порядке, стабильности), в рамках которых осмыслялись взаимосвязи различных концептов и практик» [Hettne 2010: 32]. Ни одна из попыток рассматривать совместно безопасность и развитие не предпринималась «*во имя самой связи*» [Stern and Øjendal 2010: 10]. Изменения в восприятии исследовательских сообществ наметились только после окончания «холодной войны» в 1990-х годах. Впрочем, и в тот период о связи «безопасность — развитие» говорили лишь эпизодически и при анализе отдельных стран — без попытки теоретического обобщения.

Ключевую роль в ее становлении как элемента международно-политического дискурса сыграло появление в 1990-х годах концепции «человеческой безопасности», впервые обозначенной в докладе ПРООН о человеческом развитии 1993 г.³ и получившей официальное закрепление в аналогичном документе 1994 года⁴. «Связка» приобрела популярность в условиях снижения рисков глобального противостояния, чреватого ядерной катастрофой, и одновременного стремительного роста конфликтности в странах теперь уже бывшего «третьего мира». Реагируя на происходящие изменения, авторы ДЧР-1994 г. перенесли акцент с безопасности государства на безопасность индивида и определили ее «как защищенность от хронических угроз — голода, болезней, репрессий, — а также от неожиданного и пагубного нарушения образа жизни». Лучшим способом минимизации глобальных рисков провозглашалось обеспечение «свободы от страха» и «свободы от нужды» [Глазунова 2014: 19-20]. «Безопасность посредством развития, а не

³ United Nations Development Programme (UNDP). Human Development Report 1993 – People's Participation. N.Y.: UNDP, 1993.

⁴ UNDP. Human Development Report 1994 – New Dimensions of Human Security. N. Y.: UNDP, 1994.

посредством оружия» — главный лозунг автора концепции пакистанского экономиста М. уль Хака [ul Haq 1995].

Большинство исследователей полагает, что именно этот подход, обозначивший тенденцию к «девелопментализации безопасности»⁵, олицетворяет смыкание двух повесток дня, ранее существовавших параллельно [Duffield and Waddell 2006: 1]. По словам британского эксперта Марка Даффилда, данная категория «человеческая безопасность» «оказалась способна устранить разделительные линии, размыть устоявшиеся интересы и объединить сферы и субъектов, которые прежде были разделены» [Duffield 2007: 113].

Параллельно с переосмыслением безопасности в начале 1990-х годов экономисты начали глубоко исследовать причинно-следственные связи между развитием и конфликтом. Дополнительный стимул их анализу придавала заинтересованность в проработке этих вопросов со стороны международных организаций. В конце 1990-х годов был запущен совместный проект Всемирного института исследований в области экономики развития Университета ООН и Оксфордского университета, завершившийся публикацией книги «Война, голод и вынужденное переселение: истоки чрезвычайных ситуаций гуманитарного характера» [Nafziger, Stewart and Vayrynen 2000]. Кроме того, при финансовой поддержке **Мирового банка** коллективом исследователей во главе с британским специалистом П. Кольером была подготовлена серия публикаций по схожей тематике, включая доклад «Вырываясь из ловушки конфликта: гражданская война и политика развития» [Collier et al. 2003]. В итоге на рубеже 1990-х–2000-х годов сформировался пласт литературы, освещавшей взаимосвязи между развитием и вооруженными столкновениями. Она опиралась на статисти-

ческие данные, результаты эконометрических исследований и анализ конкретно-исторических примеров.

Значимую роль сыграло и осмысление «комплексных чрезвычайных ситуаций», получивших распространение после окончания «холодной войны» [Kaldor 1999]. Вооруженные конфликты в Руанде, Сомали, Гаити, Восточном Тиморе сыграли важную роль в стимулировании междисциплинарного взаимодействия [Tshirgi, Lund and Manchini 2010: 6]. Одним из первопроходцев в концептуальном обобщении богатого эмпирического материала стал уже упоминавшийся М. Даффилд. На протяжении 1990-х годов он опубликовал ряд работ, посвященных «комплексным чрезвычайным ситуациям» и сопряжению усилий в области оказания гуманитарной помощи и помощи развитию при их урегулировании [Duffield 1994; Duffield 1997]⁶. Наибольшую известность, однако, получила ставшая классической работа «Глобальное управление и новые войны: взаимопроникновение безопасности и развития» [Duffield 2001]. Одна из глав в ней была непосредственно посвящена новой сфере «развитие – безопасность» (*development-security terrain*), и хотя непосредственно термин связка «безопасность – развитие» еще не употреблялся, интеллектуальный путь к нему был проторен.

2

Для институционализации дискурса требовался дополнительный внешний импульс, который дали террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, послужившие мощнейшим катализатором *секьюритизации развития*. Узурпировав роль главного субъекта этого процесса, Соединенные Штаты вписали отставание в развитии, наряду с другими проблемами «низкой политики», в контекст «глобальной войны с терроризмом». Тем самым они вновь сме-

⁵ Термин «девелопментализация безопасности» впервые был предложен А.М. Фитцджеральд в 2003 г. [Fitz-Gerald 2003: 3].

⁶ Данная тема получила яркое воплощение и в проекте американской исследовательницы М. Андерсон "Local Capacities for Peace", получившем большую известность под названием "Do No Harm" («Не причинить вреда») [Anderson 1999] и сделавшем понятие конфликточувствительность (conflict-sensitivity) новой мантрой в сфере содействия международному развитию.

стили акцент с «человеческой безопасности», то есть безопасности людей в странах глобального Юга, на национальную безопасность государств глобального Севера — защиту своих граждан от атак террористов — выходцев из развивающихся стран.

Получив поддержку со стороны своих ближайших союзников, США выдвинули на первый план повестки дня содействия международному развитию (СМР) проблеме «неудавшихся государств» (*failed states*, впоследствии названных нестабильными — *fragile*) как источника транснациональных угроз⁷. Международные организации — Мировой банк, ОЭСР, ООН — выступили в качестве агентов консолидации нового консенсуса в этой сфере, зафиксировав американские подходы в своих программных документах. В этой же роли, по сугубо материалистическим соображениям, на начальном этапе выступили и сами развивающиеся страны, специализированные ведомства и неправительственные организации, занимающиеся СМР, представители экспертного сообщества. Осознавая, что секьюритизация содействия развитию должна повлечь за собой увеличение объемов помощи, они с готовностью включились в обсуждение предложенной США повестки дня. Их активная деятельность способствовала повышению, и без того высокой, готовности аудитории развитых стран выделять дополнительные финансовые ресурсы на любые меры, способные вернуть утраченное чувство защищенности [Бартенев 2011: 46–47].

Именно в этих условиях категория связки «безопасность — развитие» получила широкое употребление. Точкой отсчета в ее окончательной легитимизации можно считать запуск научно-исследовательской программы «Укрепление связки “безопасность — развитие”: конфликт, мир и развитие в XXI веке» под руководством профессора Н. Тширги в Международной академии мира в Нью-Йорке (ныне Междуна-

родный институт мира). Она была открыта в 2003 г. и реализовывалась при финансовой поддержке правительств сразу восьми государств (Австралии, Великобритании, Германии, Дании, Канады, Люксембурга, Норвегии и Швеции), а также крупных частных фондов — Фонда Рокфеллера, Фонда Форда и Фонда Уильяма и Флоры Хьюлеттов. Эта инициатива с самого начала пользовалась покровительством со стороны руководства ООН, в частности главы ПРООН организации Марка Маллока Брауна, впоследствии ставшего заместителем Генерального секретаря.

Не удивительно, что девиз программы «нет безопасности без развития, как и развития без безопасности» быстро нашел путь наверх, и вошел в отчет Генерального секретаря ООН 2005 года⁸. Публикации, подготовленные в ходе ее реализации, широко освещались, и, по словам М. Даффилда, к 2005 г. термин связка «безопасность — развитие» употреблялся уже настолько часто, что стал «набивать оскомину» [Duffield 2005: 142].

Темпы вхождения этой категории в научный оборот лучше всего иллюстрирует статистика ее употребления в исследовательских публикациях. По данным специализированной поисковой системы *Google Scholar* за 2003 год, связка «безопасность — развитие» упоминалась лишь в 4-х работах, а в 2004 году — присутствовала уже в 21. За 2014 год — зафиксировано около 150 упоминаний. Начиная с 2003 г. вышло уже несколько десятков индивидуальных и коллективных монографий, целиком или частично посвященных взаимовлиянию вооруженных конфликтов, терроризма и проблем международного развития, подготовленных представителями различных научных дисциплин [Picciotto, Olonisakin and Clarke 2007; Tschirgi, Lund and Mancini 2010; McNeish and Lie 2010; Mavrotas 2011; Spear and Williams 2012; Saliba-Couture 2013; Hintjens and Zarkov 2015; Jackson 2015].

⁷ Подробнее о проблематике «слабых государств» см.: [Минаев 2007].

⁸ UN Report of the Secretary General. In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All. General Assembly, 59th Session, UN Doc. A/59/2005, 21 March. New York: P.5

За последние 15 лет возник целый ряд научно-исследовательских центров, занимающихся изучением «связки»⁹. Авторитетные рецензируемые журналы посвящают ей специальные выпуски [Third World Quarterly 2009; Security Dialogue 2010]. Регулярно проводятся крупные научные мероприятия по данной проблематике, организуются отдельные заседания на крупных международных конференциях, включая конвенты Ассоциации международных исследований (2011) и Международной ассоциации политических наук (2016). В ряде ведущих университетов мира, в том числе в Университете им. Джорджа Вашингтона (проф. Дж. Спэр) и Джорджтаунском университете (проф. К. Хэнлон), читаются профильные курсы.

Вместе с тем широта употребления понятия не должна вводить в заблуждение. Еще в 2004 г. в одном из докладов Международной академии мира говорилось: «...Увеличение числа исследований в этой области не столько проясняет содержание описываемых проблем, сколько иллюстрирует, как мало, в действительности, известно о связке “безопасность – развитие” [Hurwitz and Peake 2004: 3]. За прошедшее десятилетие мало что изменилось».

Взаимосвязь угроз безопасности и вызовов развитию по-прежнему подвергается различным интерпретациям. Для одних «связка» является «очевидной» [Brack 2007: 3], «четкой» [Picciotto et al. 2007: 66], «хорошо известным фактом» [Brzoska and Croll 2005: 14], для других – «неясной», «двойственной» [Gruiters 2008: 59], «пустой, беспочвенной, вредной» [Stern and Ojendal 2010: 19], «сложной, оспариваемой, сбивающей с толку» [Waddell 2006: 532]. Аргументы обеих сторон в этих интеллектуальных баталиях крайне многообразны и заслуживают подробного рассмотрения.

З

Апологеты комплексного осмысления угроз безопасности и вызовов развитию солидаризируются с дискурсом международных организаций и крупнейших стран-доноров. В защиту устоявшегося консенсуса приводят аргументы, которые легко подтверждаются статистическими данными. Ниже обобщен ряд наиболее распространенных доказательств.

Во-первых, конфликты, как правило, происходят в странах, отстающих в развитии, и проблемы социально-экономического характера служат одной из ключевых детерминант политических противоречий. Выдвигая этот тезис, исследователи чаще всего ссылаются на труды британского экономиста П. Кольера. Выявив в совместной с А. Хеффлер статье «Экономические причины гражданских войн» [Collier and Hoeffler 1998] устойчивую статистическую корреляцию между зависимостью от природных ресурсов (доля экспорта сырьевых товаров по отношению к ВВП) и риском начала вооруженного конфликта, он активно включился в дискуссию о соотношении «наживы и недовольства»¹⁰, подтвердив безусловную приоритетность «наживы».

Чуть позже П. Кольер выявил три ключевых признака страны с высоким риском возникновения конфликта: низкий доход, низкие темпы роста и зависимость от экспорта природных ресурсов [Collier 2000]. Благодаря эконометрическим исследованиям П. Кольера, «констатация взаимосвязи бедности и конфликта стала одним из тех немногих пунктов, по которым ученым удалось достичь консенсуса, и одним из наиболее значимых результатов в эконометрических исследованиях, посвященных конфликтам» [Rice 2007: 38].

При этом вооруженные конфликты сами по себе оказывают крайне негативное

⁹Берлинский Центр международной безопасности и развития (International Security and Development Center) <http://isd-center.org/>; стоковский Институт изучения политики в области безопасности и развития (Institute for Security and Development Policy); учрежден в 2005 г., финансируется министерством иностранных дел Швеции <http://www.isdp.eu/>; в 2010–2011 г. на базе Шведского института международных отношений была запущена исследовательская программа «Политика в области обороны, безопасности и развития».

¹⁰Подробнее об этой дискуссии см.: [Степанова 2005: 26–31].

воздействие на процесс социально-экономического развития. Так, в ходе исследования 18 стран, становившихся ареной гражданских войн, было выявлено, что за время вооруженной борьбы доход на душу населения упал в 15 из них, производство продовольствия в 13, экспорт в 12, а государственный долг вырос повсеместно [Stewart, Huang, Wang 2000].

Это подтверждается результатами других эмпирических исследований. Анализ большого массива количественных данных позволил все тому же П. Кольеру сформулировать тезис о «ловушке конфликта», которая наряду с «ловушкой природных ресурсов», «ловушкой географической изоляции» и неэффективным государственным управлением составляет комплекс структурных причин, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию стран. Британский исследователь характеризует конфликт как «развитие наоборот» [Collier 2003: ix], поясняя: «Война тормозит развитие, но и развитие, в свою очередь, задерживает приход войны. Эта двойная каузальность порождает “добродетельные” и “порочные круги”. Когда развитие оказывается успешным, страны становятся менее уязвимыми к вооруженному конфликту, что, в свою очередь, облегчает последующее развитие. Когда развитие терпит крах, страны сталкиваются с более высоким риском попадания в “ловушку конфликта”, в которой война наносит ущерб экономике и повышает риск войны в будущем» [Collier et al. 2003: 1].

Средний ущерб от гражданской войны П. Кольер оценивает в 64 млрд долл. [Collier 2007: 32]. По другим оценкам ущерб от вооруженных конфликтов в Африке в период с 1990 по 2005 годы составил около

284 млрд долларов, что сопоставимо с объемами помощи континенту за эти 15 лет¹¹. По данным, приводимым в Докладе о мировом развитии 2011 г. Мирового банка, гражданская война отбрасывает развивающуюся страну среднего размера на 30 лет назад, а на восстановление прежних объемов внешней торговли после серьезных всплесков насилия требуется 20 лет¹².

Подсчитано также, что уровень бедности в странах, которые становились жертвами крупных военных конфликтов в период 1981-2005 годов, в среднем был на 21% выше, чем в более стабильных государствах¹³. Большая часть из 20 беднейших стран мира оказывались ареной вооруженной борьбы в последнее десятилетие. Более того, конфликт на территории одного государства приводит к падению темпов роста его соседей в среднем на 0,7% ВВП¹⁴.

Попытки ведущих государств мира и международных институтов разработать эффективные методы достижения целевых параметров развития без учета аспектов, связанных с безопасностью, не дали ощутимых результатов. Из-за отсутствия прогресса в этой сфере, в первую очередь, в «нестабильных и постконфликтных государствах» (*fragile and conflict-affected states*), не удалось обеспечить осуществление Целей развития тысячелетия в полном объеме.

Удручающие данные по уровню реализации соответствующих задач «в нестабильных государствах» представлены в отчете ОЭСР, опубликованном в 2015 г. в преддверии саммита ООН, на котором утверждалась новая Повестка дня в области развития до 2030 года¹⁵. Составители документа включают в их число 50 стран и обращают внимание на то, что ни одна из них не дос-

¹¹ IANSA, Oxfam and Saferworld. Africa's missing billions: international arms flows and the cost of conflict. 2007. The International Action Network on Small Arms and Oxfam International, October, 2007. URL: <https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/africas%20missing%20bills.pdf>

¹² World Bank. World Development Report 2011: Conflict, Security and Development. Washington, D.C.: World Bank, 2011. URL: http://wdr2011.worldbank.org/sites/default/files/pdfs/WDR2011_Full_Text.pdf (date of access: 27.05.2011). P.6

¹³ Ibidem. P.5

¹⁴ Ibidem. P.4

¹⁵ OECD States of Fragility: Meeting Post-2015 Ambitions. OECD: Paris, 2015.

тигла ЦРТ в полном объеме. Почти две трети не обеспечили сокращения вдвое числа людей, живущих за чертой бедности; только треть добилась уменьшения вдвое смертности детей в возрасте до 5 лет; лишь четверть – сокращения вдвое числа людей, не имеющих доступа к чистой питьевой воде. Более того, все 7 стран, которые к концу 2015 г. не достигнут ни одной из целей ЦРТ, относятся к числу постконфликтных¹⁶.

Эксперты не питают иллюзий и в отношении будущего. К 2030 г. 75% людей, живущих за чертой бедности, будут проживать в странах, где высока вероятность вспышки вооруженного насилия. При сохранении существующих тенденций почти 25% жителей «нестабильных государств», а это около 500 млн человек, будут жить за чертой бедности к 2030 году. При более оптимистичном сценарии «усовершенствования институтов», эта доля упадет до 22% (420 млн); при наилучшем исходе – до 19% (350 млн). При этом даже при наиболее благоприятном сценарии на «нестабильные государства» в 2030 г. будет приходиться до 62% жителей Земли, живущих за чертой бедности (по сравнению с 43% в 2015 году)¹⁷. Эти данные позволяют многим представителям политического истеблишмента и экспертного сообщества говорить о том, что без обеспечения мира достичь целей устойчивого развития невозможно.

Новейшая история «комплексных чрезвычайных ситуаций» содержит ряд свидетельств того, что гуманитарная помощь и помощь развитию не являются политически нейтральными инструментами и могут оказывать весьма существенное влияние на условия протекания внутреннего конфликта. Соответственно, усилия специалистов в области развития могут быть продуктивными только в случае глубокого понимания ими всего многообразия взаимосвязей между традиционной сферой их экспертизы и различными проявлениями конфликтности [Anderson 1999; Duffield 2001].

Кроме того, противодействие асимметричным угрозам безопасности, в первую очередь терроризму и вооруженному экстремизму, с опорой на использование преимущественно военно-силовых методов не принесло ожидаемых результатов. Об этом свидетельствует беспрецедентный по своим масштабам всплеск религиозного экстремизма в последние годы. Низкую результативность показали и кампании по «завоеванию умов и сердец» в Афганистане, Ираке и других странах, продемонстрировавшие, что для решения проблем безопасности необходимо устранение «фундаментальных причин» экстремизма, связанных с отставанием в социально-экономическом развитии, бедностью, неравенством.

Обозначенный выше список аргументов в защиту увязывания разрешения вооруженных конфликтов и обеспечения международного развития не является исчерпывающим. Вместе с тем отдельные сторонники «связки» совсем не обязательно приводят все вышеперечисленные тезисы. Акцентирование ими отдельных аспектов аргументации определяется, с одной стороны, дисциплинарной принадлежностью и специализацией, с другой – идеологическими взглядами и особенностями восприятия международных отношений в целом.

Кроме того, чем ближе исследователь к практике обеспечения безопасности, миростроительства, урегулирования конфликтов или реализации проектов в области развития, чем глубже он погружен в подготовку политически ориентированных рекомендаций, тем менее критически он склонен воспринимать увязывание решения проблем развития с предотвращением и разрешением вооруженных конфликтов.

4

В академической среде критиков «связки» можно встретить чаще, чем ее апологетов. Более того, аргументы, которые они приводят, оказываются более изощренными и проработанными теоретически, чем

¹⁶ OECD Fragile States 2014: Domestic Revenue Mobilisation in Fragile States. Paris: OECD, 2014.

¹⁷ OECD, 2015, p. 21

доказательства их оппонентов. Присущий критикам акцент на научной фундированности не удивителен, так как многие из них не связаны с индустрией подготовки аналитической документации международных организаций и национальных агентств развития, поддерживающих устоявшийся консенсус. В целом их претензии к концептуализации связки «безопасность — развитие» в качестве научной категории можно свести к четырем основным пунктам: 1) неопределенность содержания; 2) политическая ангажированность; 3) негативные политические последствия; 4) слабость эмпирических оснований.

Безусловно, ключевой недостаток заключается в **неопределенности содержания**. Значительное число исследователей [Hettne 2010: 33; Spear and Williams 2012: 10] указывают на то, что и безопасность, и развитие сами по себе являются сущностно неопределенными понятиями¹⁸. В зависимости от интерпретации «развитие» может включать в себя широкий спектр наблюдаемых явлений — от защиты прав человека до борьбы с загрязнением окружающей среды, от действия экономического роста до проблем «ответственного управления». Весьма размыто и понятие «безопасность». В научных исследованиях и политических дискуссиях наблюдается его постоянное расширение и углубление. В этой связи Н. Тширги задается вопросом: «Что с чем объединяется? На каком уровне? С какой целью?» [Tshirgi 2006: 43]. Взаимоувязывание двух амбивалентных понятий не может вести ни к чему, кроме противоречий и непоследовательности [Boonstra and Sharovalova 2012:7; Tschirgi 2006: 39].

Редакторы итоговой монографии по проекту Международной академии мира,

опубликованной в 2010 году, Н. Тширги, М.С. Лунд и Ф. Манчини также отмечают, что в преобладающем дискурсе зачастую ретушируются различия между «безопасностью» и «развитием» как социальными целями и как политической деятельностью, направленной на их достижение. По мнению исследователей, такая двусмысленность ведет к широкому распространению тезиса о том, что условия в сферах безопасности и развития меняются параллельно, и что политические интервенции, осуществляемые в одной сфере, будут оказывать прямое воздействие и на другую сферу» [Tschirgi, Lund and Manchini 2010: 3].

Ш. Салиба-Кутюр обращает внимание на «реляционную» двусмысленность, которая проистекает из того, что *характер* взаимоувязывания безопасности и развития остается предметом дебатов. По его словам, нет единодушия ни в отношении характера «связки» (корреляция, причинно-следственная связь, смешение), ни в отношении ее формы (монокаузальность, двойная каузальность, косвенное влияние, прямое влияние) [Saliba-Couture 2013: 60].

В этой связи Ф. Стюарт обозначает 3 возможных типа взаимосвязи: 1) безопасность (отсутствие конфликта) как неотъемлемый компонент развития и процветания (безопасность и развитие — синонимы); 2) влияние отсутствия конфликта на компоненты развития и экономического роста, не связанные с безопасностью (безопасность как условие для обеспечения развития); 3) влияние развития на безопасность (развитие как условие для обеспечения безопасности) [Stewart 2004].

Дж. Спэр и П. Уильямс, в свою очередь, пишут о том, что соотнесение предотвращения и урегулирования конфликтов и

¹⁸ Термин сущностно неопределенный концепт (*essentially contested concept*) ввел в научный оборот американский ученый У. Б. Галли в 1956 г. В своей статье исследователь обратил внимание на понятия, которые отличаются от прочих, так как априорно содержат противоречие. Автор выделяет пять условий, при которых концепт относится к их числу: 1) он априорно в том смысле, что прогнозирует или предписывает какую-либо ценностную оценку; 2) оценка носит внутренне комплексный характер, но касается его как целого; 3) любое объяснение значимости концепта требует дополнений в различных частях концепта; 4) сущностно спорный концепт является открытым, ценностное заключение подвергается модификациям в зависимости от изменяющихся условий; 5) каждый, кто употребляет концепт, осознает, что его применение индивидуально и что другие используют концепт иначе [Gallie 1956: 171–172].

обеспечения глобального развития может быть концептуализировано по-разному: как пример «игры с положительной суммой» (безопасность и развитие взаимно усиливают друг друга); как дискретная (безопасность и развитие обеспечиваются разными средствами); последовательная (одно является условием другого); иерархическая (приоритеты в области безопасности определяют приоритеты в области развития), избирательная взаимно конституирующая связь [Spear and Williams 2012].

Более того, исследователи подчеркивают: «Проблемы взаимозависимости безопасности и развития всегда привязаны к контексту» [Spear and Williams 2012: 21]. Основанный на этом наблюдении подход получил чрезвычайно широкое распространение – смысл «связки» варьируется в зависимости от субъекта, который ее постулирует [Lebœuf 2006; Orjuela 2010], от цели, которую он преследует [Stern and Ojendal 2010], от исторического опыта [Hettne 2010; Spear and Williams 2012], от уровня, к которому он применяется [Jensen 2010; Tschirgi 2006] и от референтного объекта [Beall, Goodfellow and Putzel 2006; Buur, Jensen and Stepputat 2007; Duffield 2005, 2010; Gruiters 2008; Hettne 2010], включая его географическое местонахождение [Spear and Williams 2012].

Н. Тширги, к примеру, отмечает, что данная «связка» не может автоматически применяться ко всем сферам политики (превентивной дипломатии, государство-строительству, миростроительству) и ко всем уровням ее осуществления (глобальному, национальному и индивидуальному). По ее мнению, «политические дискуссии о взаимозависимости безопасности и развития беспрепятственно перескакивают с локального уровня на глобальный, с предотвращения конфликтов на миростроительство, с гуманитарной помощи на борьбу с терроризмом, что создает огромную путаницу концептуального и политического плана». Исследовательница указывает на то, что «человеческая безопасность» может быть достойной политической целью, но ее обеспечение совсем не обязательно ведет к

обеспечению развития на национальном уровне или международной безопасности, равно как и наоборот» [Tschirgi 2006: 42].

Шведские исследователи М.Стерн и Й. Ойендаль, придерживаясь контексто-ориентированного подхода, сделали вывод о том, что в отсутствие общепринятого толкования концептов «безопасность» и «развитие», абстрактной связи между определяемыми ими явлениями не существует. Речь должна идти о целой паутине взаимосвязей «между различными идеями, процессами и объектами» [Stern and Ojendal 2010: 11]. Субстантивным это понятие становится только тогда, когда его наполняют конкретным содержанием те игроки, которые пытаются воплотить «связку» в жизнь на практике [Stern and Ojendal 2010: 24]. При этом определение безопасности и развития имеет большое инструментальное значение, поскольку фиксирует не только сферу интересов, но и характер распределения финансовых ресурсов и политических мер [Stern and Ojendal: 7]. Хотя М. Стерн и И. Ойендаль делают оговорку, что число взаимосвязей практически бесконечно, они обозначают ограниченное число наиболее распространенных фреймов – толкований безопасности и развития, отличающихся, среди прочего, тем, что выступает в роли референтного объекта безопасности: 1) развитие/безопасность как телеологический нарратив; 2) расширение, углубление и гуманизация развития/безопасности; 3) развитие/безопасность как «тупик»/недостижимая цель; 4) пост-развитие/пост-безопасность; 5) развитие/безопасность как техника управления; 6) девелопмент/безопасность как элемент глобализации. В соответствии с их логикой любому из 6 толкований безопасности может соответствовать любая из интерпретаций развития, то есть существует, по меньшей мере, 36 (!) гипотетических «связок» между двумя понятиями.

Матрица, предложенная М.Стерн и Й. Ойендалем, подверглась критике со стороны некоторых исследователей, например, С. Рейда-Генри [Reid-Henry 2011], в первую очередь из-за того, что она не

подкреплена никакими эмпирическими данными. Однако предложенный ими подход, выдержанный в духе школы критических исследований в области безопасности, был высоко оценен в научном сообществе и имеет ряд последователей.

Так, например, уже упоминавшийся нами Ш. Салиба-Кутюр тоже пришел к выводу, что амбивалентность «метасвязки» между безопасностью и развитием позволяет «конструировать» многочисленные «субсвязки» между различными проблемами, рассматриваемыми в качестве составных частей исходных концептов. Ш. Салиба-Кутюр их выделяет в общей сложности шесть, а именно: 1) человеческая безопасность и человеческое развитие; 2) субъекты, действующие в сфере безопасности, и игроки, действующие в сфере развития; 3) отставание в развитии, бедность, «нестабильные государства» и терроризм; 4) глобальная безопасность и глобальное развитие; 5) отставание в развитии, бедность и внутренние конфликты; 6) помощь развитию и мир/конфликт. С его точки зрения, каждая «субсвязка» представляет собой одно из преломлений общего взаимовлияния двух явлений и, в свою очередь, также может иметь множество толкований.

При этом исследователь признает, что, с одной стороны, предложенный им список интерпретаций не является исчерпывающим, а с другой — эти трактовки не являются взаимоисключающими [Saliba-Couture 2013: 60-61]. Главная особенность его подхода состоит в том, что, рассматривая «связку» как социально конструируемый объект, он ставит цель понять, как и почему те или иные соотношения понятий «безопасность» и «развитие» были актуализированы учеными, политиками и практиками. Для решения этой задачи Ш. Салиба-Кутюр использует концепцию «неоднозначности» как практики управления, разработанную канадской исследовательницей Ж. Бэст.

Оригинальный способ апробации контексто-ориентированного подхода выбрали Дж. Спэар и П. Уильямс. В своей книге они взяли семь ключевых сфер (содействие развитию; гуманитарная помощь; управле-

ние; здравоохранение; борьба с бедностью; торговля и ресурсы; демография) и предложили написать по главе о каждой из них специалистам в соответствующих областях. На правах редакторов коллективной монографии они прокомментировали полученные результаты. Такой подход позволил им выявить существенные и репрезентативные расхождения в понимании одних и тех же явлений и процессов специалистами из разных дисциплин. Например, стало очевидно, что, хотя все пользуются более или менее общим определением «гуманитарной помощи», для специалистов в области безопасности гуманитарная помощь — это, в первую очередь, инструмент поддержки государственных институтов в борьбе с повстанческими движениями и террористическими организациями, а для экспертов по вопросам международного развития — предоставление продовольствия, крова и обеспечение физической безопасности индивидов.

В научной литературе нередко можно встретить также тезис о **политической ангажированности** изучаемого концепта. Подобная критика нашла отражение в оценках Н. Тширги: «Существует тенденция делать политические рекомендации так, будто бы мировое сообщество — это аполитичный монолит, а не пестрая смесь национальных, региональных, государственных и негосударственных акторов с различными интересами и повестками дня. *Увязывание безопасности и развития — это, по сути своей, политический проект* [курсив наш — В.Б.], который влияет на жизненно важные интересы различных субъектов и на бенефициаров данной политики. Соответственно, при продвижении идей интеграции политики в сфере безопасности и в сфере развития, следует спросить себя: Чья безопасность стоит на кону? Чье развитие под угрозой? Чья повестка дня имеет приоритет?» [Tschirgi 2006: 44].

М. Даффилд в 2001 г. первым указал на возникновение системы глобального управления, или «политических комплексов», нацеленных на борьбу с расширяющимся спектром угроз безопасности «Севера», ис-

ходящих от отстающего в развитии и небезопасного «Юга». Размышляя об инкорпорировании тематики войны в девелопменталистский дискурс, он акцентировал внимание на «радикализации политики развития». Последняя характеризуется «готовностью сделать вопрос о всеобъемлющей трансформации обществ частью международно-политического мейнстрима, а в ее основе лежит «новая концепция безопасности, рассматривающая различные формы отставания в развитии в качестве источников угроз» [Duffield 2001: 22].

Впоследствии М. Даффилд сформулировал еще более радикальный тезис о том, что на планете идет борьба за власть между «застрахованными» жителями глобального Севера и «незастрахованными» жителями глобального Юга, и «связка» — лишь дополнительный элемент стратегии «биополитического сдерживания», реализуемой, в первую очередь, в интересах стран Запада» [Duffield 2007: 16]. Такой подход, отнесенный еще одним западным исследователем П. Джексоном к проявлениям «критической международной политической экономии» [Jackson 2015: 6], отнюдь не является сегодня маргинальным и имеет большое количество сторонников [Kienscherf 2011: 518].

Еще более широкое распространение получил тезис о **губительных последствиях применения «связки» в практической политике**. По мнению Н. Тширги и ее коллег, «абстрактность концепта связка “безопасность – развитие” скрывает сложности в определении причинно-следственных связей между двумя явлениями и, что еще более важно, в извлечении надлежащих политических рекомендаций в отношении сочетания и последовательности соответствующих политических мер, релевантных для различных контекстов». Как следствие, «абстрактно сформулированные призывы к интеграции политической деятельности в сферах безопасности и развития не только не содержат конкретных практических рекомендаций, но и могут гипотетически привести к принятию неэффективных и даже контрпродуктивных мер, которые бу-

дут еще более увеличивать разрыв между риторикой и практикой» [Tschirgi, Lund and Mancini 2010: 4].

Подавляющее большинство исследователей указывают на то, что увязывание безопасности и развития может привести только к пагубной «секьюритизации развития», поскольку для субъектов, вовлеченных в эту проблематику оно означает повышение значимости и дополнительное финансирование. Погоня за этими ресурсами заставляет их забывать о первоначальной миссии [Boonstra and Shapovalova 2012:7; Chandler 2007: 363]. По мнению К. Уилкинсона, акцент на безопасности может идти в ущерб задачам ответственного управления, обеспечения прав человека и устойчивого развития [Wilkinson 2015: 32]. Нет никаких сомнений в том, — пишут Р. Амер, А. Суэйн и Й. Ойендаль, — что «секьюритизация помощи сократила и без того ограниченные ресурсы для оказания содействия развитию беднейших стран» [Amer, Swain and Ojendal 2012: 2] «Краткосрочные императивы богатых и сильных стран, — добавляют они, — все более вытесняют долгосрочные императивы развития в бедных регионах, что может нанести ущерб рассчитанным на долгосрочную перспективу мерам, необходимым для обеспечения устойчивого мира» [Amer, Swain and Ojendal: 2].

Наконец, нельзя игнорировать и присутствующие в целом ряде исследований [Stewart 2004; Waddell 2006; Brzoska and Croll 2005; Chandler 2007; Grueters 2008; Saliba-Couture 2013] указания на **сугубо декларативный характер увязывания международных конфликтов и содействия развитию**. Так, Д. Чендлер, а также Н. Тширги и ее коллеги подчеркивают, что «тезис о наличии взаимосвязей между развитием и безопасностью имеет под собой крайне слабую доказательную базу [Chandler 2007: 366; Tschirgi, Lund and Mancini 2010: 3]. По мнению Д. Чендлера, по большей части рассуждения о «связке» базируются на риторике и символах, а не на политической практике [Chandler 2007: 363]. Схожие выводы делают и другие исследователи. В частности, Х. Хадсон справедливо обра-

щает внимание на то, что «существует тенденция совершать аналитический прыжок от вполне конкретных корреляций между конфликтом и бедностью к туманной «связке безопасность — развитие» [Hudson 2015: 47]. Особенно большие сомнения у исследователей вызывает «смычка» между бедностью и терроризмом, а также между терроризмом и «нестабильными государствами», которые представляются многим малоубедительными [Antil et Lebœuf 2007: 192].

* * *

Проведенный анализ зарубежной литературы позволяет сделать несколько выводов. С одной стороны, связку «безопасность — развитие» следует причислить к сущностно неопределенным понятиям, которые следует использовать крайне осмотрительно. С другой — масштабы его применения и в политической практике, и в академической среде говорят о том, что мы имеем дело с категорией, которая, несмотря на свою амбивалентность, живет своей жизнью, конструируя и изменяя международную реальность, и уже хотя бы поэтому должна восприниматься всерьез.

С нашей точки зрения, наиболее корректной исследовательской позицией будет изучение взаимосвязи вооруженных конфликтов и проблематики международного развития с опорой на контексто-ориентированный подход, который сегодня получает распространение и в изучении других явлений, например, «мягкой силы» [Юдин 2015]. Проблема недостаточной исследованности того, как «связка» по-разному воспринимается, наполняется конкретным содержанием на практике и в конце концов применяется, обозначенная М. Стерн и Й. Ойендалем [Stern and Ojendal 2010: 7], сохраняет актуальность.

В этой связи в качестве наиболее перспективных направлений будущих исследований можно обозначить следующие:

1. *Сравнительный анализ эволюции подходов различных субъектов международных отношений к понятиям «безопасность» и «развитие» и их «связке».* Объектом изучения при этом обязательно должны быть не

только государства Запада — «традиционные» доноры (члены Комитета по содействию развитию ОЭСР) и создававшиеся под их эгидой многосторонние организации (Мировой банк, МВФ, ОЭСР), но и «новые» игроки, в первую очередь страны БРИКС, и те институты, инициаторами создания которых они являются — Новый банк развития БРИКС, ОДКБ, ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Евразийский экономический союз. Наиболее интересные результаты могут быть достигнуты с применением методов контент-анализа — успешные примеры такого рода исследований в зарубежной литературе уже имеются [McConnon 2014].

2. *Исследование дискурса на внутригосударственном уровне, сопоставление взглядов различных министерств и ведомств одного государства на одни и те же проблемы, лежащие на стыке безопасности и развития.* Это особенно важно с учетом того, что акцент в современной политике по-прежнему делается на обеспечение согласованности усилий различных ведомств при решении проблем развивающихся стран. Детальное исследование внутренних реалий — желательно также с применением методов контент-анализа — позволит прийти к более четкому пониманию того, где именно возникают когнитивные противоречия между различными ведомствами и скрыты причины неудовлетворительных результатов [Кокошин, Бартенев 2015].

3. *Сравнительный анализ политики различных государств-доноров в избранных «нестабильных государствах»/регионах.* В его основе должна лежать единая методология — общий набор вопросов, внутренних и внешних факторов и параметров вмешательства, критериев оценки эффективности и результативности предпринимаемых усилий. В качестве конкретных примеров можно использовать Афганистан/Пакистан, Ирак, Ливию, страны Сахеля и другие государства, в которых имело место прямое военное вмешательство со стороны государств, неформальных коалиций или многосторонних институтов. Принципиально важно, чтобы между собой сравнивалась

деятельность нескольких государств на территории одной страны-бенефициара, а не деятельность государства А в стране В с деятельностью государства С в стране D, как это часто бывает в современной политологии. Установление таких ограничений, с нашей точки зрения, позволит четче обозначить сходства и различия в восприятии разными игроками одного и того же локального/регионального контекста.

4. *Изучение влияния императивов «бюджетной экономики» на политику ведущих стран мира в сфере оказания помощи развивающимся странам.* Проведенное ранее исследование опыта решения данной дилеммы Соединенными Штатами показало, что государства-доноры в условиях ограниченности средств вместо того, чтобы становиться более осмотрительными и выделять больше средств странам, имеющим лучшие показатели, продолжают делать ставку на геополитически важных «неудачников» — «нестабильные государства» [Бартенев 2014], что ведет к дальнейшей секьюритизации развития.

Приведенный список возможных направлений исследований не является исчерпывающим и должен уточняться по мере

получения новых доказательств несовершенства «связки» в ее нынешнем понимании. Кроме того, богатый эмпирический материал для анализа должен появиться в ходе реализации обновленной глобальной повестки дня в области развития на перспективу до 2030 года, в которой проблемы обеспечения мира и безопасности будут играть существенно более заметную роль, нежели в рамках Целей развития тысячелетия в 2000–2015 годах.

Содержательный вклад в дальнейшую концептуально-теоретическую проработку «связки» должны внести и российские исследователи. В 2015 г. Факультетом мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова был инициирован многолетний научно-исследовательский проект, посвященный данной проблеме, в ходе которого предполагается обеспечить широкое обсуждение соотношения вопросов безопасности и развития на российских площадках — в том числе посредством проведения ряда международных мероприятий. Предлагаемая статья — приглашение читательской аудитории журнала «Международные процессы» принять деятельное участие в этой дискуссии.

Список литературы

- Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3. С. 37–50.
- Бартенев В.И. Влияние внутренних детерминант на распределение ресурсов внешней помощи в условиях бюджетной экономии: опыт США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 52–100.
- Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. №2. С.126–146.
- Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: современный дискурс // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С.3–33.
- Кокوشي А.А., Бартенев В.И. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию // Проблемы прогнозирования. 2015. №6. (в печати)
- Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4. С. 25–40.
- Минаев М. Проблематика «слабых государств» в американской аналитике. // Международные процессы. 2007. Т.5. № 2. С.86–94.
- Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.
- Рыхтик М. И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов» // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М.М. Лебедевой; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект Пресс, 2002.

- Сергунин, А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис: Политические исследования. 2005. №6. С.126–137.
- Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма / ИМЭМО РАН. — М.: «Весь мир», 2005. 312 с.
- Цыганков П.А. Человеческая безопасность: теоретические споры и ответственность ученых. // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики // Под ред. П.А.Цыганкова П.А. М., 2011. С.12–29.
- Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. №2. С.96–105 DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7
- Amer R., Swain A., Öjendal J. The Security–Development Nexus: Peace, Conflict and Development. London: Anthem Press, 2012. 228 p.
- Anderson M. Do No Harm: How Aid Can Support Peace – or War. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. 161 p.
- Antil A., Lebœuf A. Etats fragiles et terrorisme, un lien ambigu. / Etats et sociétés fragiles. Entre conflits, reconstruction et développement. // Châtaigner J.-M. et Magro H. (ed.) Paris: Karthala, 2007. P. 191–212
- Ayoob M. Security in the Third World: the Worm about to Turn? // International Affairs. 1984. Vol. 60. P. 41–51. DOI: 10.2307/2618929
- Beall J., Goodfellow T., Putzel J. Policy Arena: Introductory Article: On the Discourse of Terrorism, Security and Development. // Journal of International Development. 2006. Vol. 18. №1. P. 51–67. DOI: 10.1002/jid.1262
- Boonstra J., Shapovalova N. The Problematic Security–Development Nexus. Thinking Security, Doing Development? The Security–Development Nexus in European policies towards Tajikistan (Working Paper). Brussel: EUCAM, 2012.
- Brack D. Introduction: Trade, Aid and Security: An Agenda for Peace and Development. / Trade, Aid and Security: An Agenda for Peace and Development. // Brown O. et al. (eds) London: Earthscan, 2007.
- Brzoska M., Croll P. Investing in Development: An Investment in Security. // Disarmament Forum. 2005. №3. P. 11–18.
- Buur L., Jensen S., Stepputat F. (eds) The Security–Development Nexus: Expressions of Sovereignty and Securitization in Southern Africa. Uppsala: Nordiska Afrika institutet, 2007. 286 p.
- Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge [U.K.]: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
- Carment D., Stewart P., Yiagadeesen S. Security, Development, and the Fragile State: Bridging the Gap between Theory and Policy. London: Routledge, 2010. 282 p.
- Chandler D. The Security–Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy. // Journal of International Relations and Development. 2007. Vol. 10. №4. P. 365–386. DOI:10.1057/palgrave.jird.1800135
- Collier P. Rebellion as a Quasi-Criminal Activity. // Journal of Conflict Resolution. 2000. Vol. 44. №6. P. 839–853. DOI: 10.1177/0022002700044006008
- Collier P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It. Oxford: Oxford University Press, 2007. 205 p.
- Collier P. et al. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. Policy research report. Washington, DC: World Bank., 2003. 221 p.
- Collier P., Hoeffler A. On Economic Causes of Civil War. // Oxford Economic Papers. 1998. Vol.50. №4. P. 563–573. DOI: 10.1093/oep/50.4.563
- Denney L. Operationalizing the Security–Development Nexus: Security Sector Reform and Its Implications. / Handbook of International Security and Development. // Jackson P. (ed.) Cheltenham. UK – Northampton. MA. USA: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 135–149.
- Duffield M. War and Hunger: Rethinking International Responses to Complex Emergencies. London: Zed Press, 1994. 242 p.
- Duffield M. NGO Relief in War Zones: Towards an Analysis of the New Aid Paradigm. // Third World Quarterly. 1997. Vol.18. №3. P. 527 – 542.
- Duffield M. Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. New York: Zed Books, 2001. 293 p.
- Duffield M. Getting Savages to Fight Barbarians: Development, Security and the Colonial Present. Conflict, Security and Development. 2005. Vol. 5. №2. P. 141–159. DOI:10.1080/14678800500170068
- Duffield M. Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples. Cambridge: Polity. 2007. 266 p.
- Duffield M. The Liberal Way of Development and the Development–Security Impasse: Exploring the Global Life – Chance Divide. // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. №1. P. 53–76 DOI:10.1177/0967010609357042

- Duffield M., Waddell N.* Securing Humans in a Dangerous World. // *International Politics*. 2005. Vol. 43. №11. P. 1–23. DOI:10.1057/palgrave.ip.8800129
- Fitz-Gerald A.* Addressing the Security–Development Nexus: Implications for Joined-Up Government. / *New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches.* // Klingebiel S. (ed.) Bonn: Dt. Inst. Für Entwicklungs politik, 2006. P. 107–126.
- Fukuda-Parr S.* Poverty and Violent Conflict: Rethinking Development. / *Security and Development: Searching for Critical Connections.* // Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. (eds) Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010. P. 17–45.
- Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol.56. P. 167–198. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4544562>(accessed: 18.08.2015)
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research. // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. № 3: P. 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- Gruiters J.* Human Security and Development: An Ambivalent Relationship. // *Security and Human Rights*. 2008. Vol. 19. №1: 54–63. DOI: 10.1163/187502308784048519
- ul Haq M.* Reflections on Human Development. New York: Oxford University Press, 1995. 252 p.
- Hettne B.* Peace and Development Contradictions and Compatibilities. // *Journal of Peace Research*. 1983. Vol.20. №4. P. 329–342. DOI: 10.1177/002234338302000404
- Hettne B.* Development and Security: Origins and Future. // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. № 1. P. 31–52. DOI:10.1177/0967010609357040
- Hudson H.* Untangling the Gendering of the Security–Development nexus. / *Handbook of International Security and Development.* // Jackson P. (ed.) Cheltenham, UK – Northampton. MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 47–63.
- International Peace Academy. The Security–Development Nexus: Research Findings and Policy Implications. New York: International Peace Academy, 2006. Available at: http://www.ipinst.org/media/pdf/publications/secdev_progrpt.pdf (accessed: 13.08.2015)
- Jackson P.* Handbook of International Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 475 p.
- Jensen S.* The Security and Development Nexus in Cape Town: War on Gangs, Counterinsurgency and Citizenship. // *Security Dialogue*. 2010. Vol.41. №1. P. 77–97. DOI:10.1177/0967010609357038
- Kaldor M.* New Wars and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Stanford: University Press, 1999. 192 p.
- Kienscherf M.* A Programme of Global Pacification: US Counterinsurgency Doctrine and the Biopolitics of Human (In)Security. // *Security Dialogue*. 2011. Vol.42. №6. P. 517–535. DOI: 10.1177/0967010611423268
- Lebœuf A.* Sécurité et développement: acteurs et consensus. Afrique contemporaine. 2006. №2. P. 69–83.
- Mavrotas G.* Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. 246 p.
- McCannon E.* Security for All, Development for Some? The Incorporation of Security in UK's Development Policy. // *Journal of International Development*. 2014. Vol. 26. №8. P. 1127–1148. DOI: 10.1002/jid.3011
- McCormack T.* Human Security and the Separation of Security and Development. *Conflict, Security and Development*. 2011. Vol. 11. №2. P. 235–60. DOI:10.1080/14678802.2011.572461
- McNeish, J.-A., Lie J.H.S.* Security and Development. New York: Berghahn Books, 2010. 159 p.
- Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F.* (eds) Security and Development: Searching for Critical Connections. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010. 449 p.
- Nafziger W., Stewart F., Vayrynen R.* (eds) War, Hunger, and Displacement: the Origins of Humanitarian Emergencies. Vol. 1 and 2. New York: Oxford University Press, 2000.
- Orjuela C.* The Bullet in the Living Room: Linking Security and Development in a Colombo Neighbourhood. // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. №1. P. 99–120. DOI:10.1177/0967010609357039
- Picciotto R., Olonisakin F., Clarke M.* (eds). Global Development and Human Security. New Brunswick and London: Transaction Publishers / Springer, 2007.
- Reid-Henry S.* Spaces of Security and Development: An Alternative Mapping of the Security–Development Nexus. // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 41. №1. P. 97–104. DOI: 10.1177/0967010610393552
- Rice S.E.* Poverty Breeds Insecurity. / Too Poor for Peace? Global Poverty, Conflict, and Security in the 21st Century. // Brainard L., Chollet D. (eds) Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007.
- Saliba-Couture Ch.* Les liens entre Sécurité et Développement: de l'évidence à l'ambiguïté. L'Harmattan, 2012. 242 p.
- Spear J. Williams P.* Security and Development in Global Politics: A Critical Comparison. Washington, DC: Georgetown University Press, 2012. 334 p.
- Stern M., Øjendal, J.* Mapping the Security–Development Nexus: Conflict, Complexity, Cacophony, Convergence? // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. №1. P. P.5–29. DOI:10.1177/0967010609357041
- Stewart F.* Development and Security. // *Conflict, Security and Development*. 2004. Vol. 4. No. 3. P. 261–288. DOI:10.1080/1467880042000319863

- Stewart F., Huang C., Wang M. *Internal Wars: An Empirical Overview of the Economic and Social Consequences.* / *War and Underdevelopment*, Vol. I: *Economic and Social Consequences of Conflict.* // Stewart F., FitzGerald V. (eds) New York: Oxford University Press, 2001. P. 222–245.
- Thomas C. *In Search of Security: The Third World in International Relations.* Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1987. 228 p.
- Tschirgi N. *Security and Development Policies: Untangling the Relationship.* / *New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches.* // Klingebiel S. (ed.) Bonn : Dt. Inst. Für Entwicklungspolitik, 2006. P. 39–68.
- Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. *The Security–Development Nexus.* / *Security and Development: Searching for Critical Connections.* // Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010. P. 1–16.
- Waddell N. *Ties that Bind: DfID and the Emerging Security and Development Agenda.* // *Conflict, Security & Development.* 2006. Vol. 6. №4. P. 531–555. DOI:10.1080/14678800601066520
- Wilkinson C. *The Securitization of Development.* / Jackson P. *Handbook of International Security and Development.* // Cheltenham, UK – Northampton. MA. USA: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 32–46.
- The World Bank.* *World Development Report 2011: Conflict, Security and Development.* Washington DC: World Bank, 2011. 384 p.

“SECURITY – DEVELOPMENT NEXUS” IN WESTERN BIBLIOGRAPHY

FROM DECONSTRUCTION TO CONTEXTUALIZATION¹⁹

VLADIMIR BARTENEV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

In the late 20th and early 21st centuries, numerous new constructs entered the vocabulary of international relations. Some neologisms may be labeled ‘hybrid’ concepts, since they are composed of previously known terms. The security-development nexus is one of the most illustrative examples. Despite its fast entrenchment in both political and academic discourses throughout the 2000s, this concept remains subject to lively scholarly debate.

The first section of this paper examines the historical context of the emergence of the nexus and the key phases of the development of a relevant discourse. It focuses, on the one hand, on the end of the Cold War and on numerous ‘complex emergencies’ in the former Third World countries during the 1990s. These wars and emergencies formed an environment conducive to a ‘developmentalization of security’, and, on the other hand, the terrorist attacks of the 9/11 and the consecutive Global War on Terror, which in turn led to a reverse trend of ‘securitization of development’.

The second and the third sections summarize arguments of proponents and critics of the nexus respectively. The proponents of the nexus tend to be in line with the discourse of international organizations and development agencies of established donors and back their arguments with solid statistical data. The critics’ arguments tend to be more theoretical and methodology-driven. The security-development nexus is being criticized mainly for the following reasons: 1) ambiguity of content; 2) political bias; 3) negative political implications; 4) lack of empirical evidence.

¹⁹ The author would like to thank Russian Science Foundation for the financial support (project 15–18–30066).

The conclusion identifies several research niches to be filled by implementing contextualization techniques. The most promising directions for future research seem to be the following: 1) comparative analysis of the evolution of various international actors' conceptualizations of 'security', 'development' and 'security-development nexus', in particular; 2) examination of discourse at the intra-state level and comparison of different agencies' views on the most complex and pressing issues lying at the intersection of security and development; 3) comparative analysis of different donors' policies in selected fragile states and regions; 4) examination of the impact of budget austerity on the leading world powers' international development cooperation policies.

Keywords:

security, development, international development cooperation, conflicts, aid, securitization, developing countries, donor countries, fragile states.

References

- Amer R., Swain A., Öjendal J. (2012). *The Security–Development Nexus: Peace, Conflict and Development*. London: Anthem Press. 228 p.
- Anderson M. (1999). *Do No Harm: How Aid Can Support Peace – or War*. L.: Lynne Rienner Publishers. 161 p.
- Antil A., Leboeuf A. (2007). Etats fragiles et terrorisme, un lien ambigu. In: Châtaigner J.-M. et Magro H. (ed.) *Etats et sociétés fragiles. Entre conflits, reconstruction et développement*. Paris. Karthala. P. 191–212
- Ayoob M. (1984). Security in the Third World: the Worm about to Turn? *International Affairs*. Vol. 60: 41–51. DOI: 10.2307/2618929
- Bartenev V. (2011). Sek'yuritizatsiya sfery sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of International Development Aid: Political Discourse Analysis]. *International Organizations Research Journal*. № 3: 37–50.
- Bartenev V. (2014). Vliyaniye vnutrennikh determinant na raspredelenie resursov vneshnei pomoshchi v usloviyakh byudzhetnoi ekonomii: opyt SSHA [The Impact of Domestic Determinants on Foreign Aid Allocation amid Austerity: The Case of the United States]. *Moscow University Journal of World Politics*. Vol. 6. № 1: 52–100.
- Beall J., Goodfellow T., Putzel J. (2006). Policy Arena: Introductory Article : On the Discourse of Terrorism, Security and Development. *Journal of International Development*. Vol. 18. No. 1: 51–67. DOI: 10.1002/jid.1262
- Boonstra J., Shapovalova N. (2012). *The Problematic Security–Development Nexus. Thinking Security, Doing Development? The Security–Development Nexus in European policies towards Tajikistan (Working Paper)*. Brussel: EUCAM.
- Brack D. (2007). Introduction: Trade, Aid and Security: An Agenda for Peace and Development. In: *Trade, Aid and Security: An Agenda for Peace and Development*. Ed. by O. Brown et al. London: Earthscan.
- Brzoska M., Croll P. (2005). Investing in Development: An Investment in Security. *Disarmament Forum*. No. 3: 11–18.
- Buur L., Jensen S., Stepputat F. (eds) (2007). *The Security–Development Nexus: Expressions of Sovereignty and Securitization in Southern Africa*. Uppsala: Nordiska Afrika institutet. 286 p.
- Buzan B., Hansen L. (2009). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge [U.K.]: Cambridge University Press. 384 p.
- Carment D., Stewart P., Yiagadeesen S. (2010). *Security, Development, and the Fragile State: Bridging the Gap between Theory and Policy*. London: Routledge. 282 p.
- Chandler D. (2007). The Security–Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 10. №4: 365–386. DOI:10.1057/palgrave.jird.1800135
- Collier P. (2000). Rebellion as a Quasi-Criminal Activity. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. №6: 839–853. DOI: 10.1177/0022002700044006008
- Collier P. (2007). *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford: Oxford University Press. 205 p.
- Collier P. et al. (2003). *Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. Policy research report*. Washington, DC: World Bank. 221 p.
- Collier P., Hoeffler A. (1998). *On Economic Causes of Civil War*. Oxford Economic Papers. Vol.50. №4: 563–573. DOI: 10.1093/oep/50.4.563
- Denney L. (2015). Operationalizing the Security–Development Nexus: Security Sector Reform and Its Implications. In *Handbook of International Security and Development*. Ed. by P. Jackson Cheltenham. UK – Northampton. MA. USA: Edward Elgar Publishing: 135–149.
- Duffield M. (1994). *War and Hunger: Rethinking International Responses to Complex Emergencies*. London: Zed Press. 242 p.

- Duffield M. (1997). NGO Relief in War Zones: Towards an Analysis of the New Aid Paradigm. *Third World Quarterly*. Vol. 18. №3: 527 – 542.
- Duffield M. (2001). *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*. New York: Zed Books. 293 p.
- Duffield M. (2005). Getting Savages to Fight Barbarians: Development, Security and the Colonial Present. *Conflict, Security and Development*. Vol. 5. №2: 141–159. DOI:10.1080/14678800500170068
- Duffield M. (2007). *Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples*. Cambridge: Polity. 266 p.
- Duffield M. (2010). The Liberal Way of Development and the Development–Security Impasse: Exploring the Global Life – Chance Divide. *Security Dialogue*. Vol. 41. №1: 53–76 DOI:10.1177/0967010609357042
- Duffield M., Waddell N. (2005). Securing Humans in a Dangerous World. *International Politics*. Vol. 43. №11: 1–23. DOI:10.1057/palgrave.ip.8800129
- Fitz–Gerald A. (2006). Addressing the Security–Development Nexus: Implications for Joined–Up Government. In *New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches*. Ed. by S. Klingebiel. Bonn: Dt. Inst. Für Entwicklungs politik: 107–126.
- Fukuda–Parr S. (2010). Poverty and Violent Conflict: Rethinking Development. In: Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. (eds) *Security and Development: Searching for Critical Connections*. Boulder: Lynne Rienner Publishers: 17–45.
- Gallie W.B. (1956). Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56: P. 167–198. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4544562> (accessed: 18.08.2015)
- Galtung J. (1969). Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*. Vol. 6. No. 3: P. 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- Glazunova E. (2013). Teoreticheskie aspekty sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: istoricheskaya retrospektiva [Theoretical Aspects of International Development Cooperation: Historical Retrospect]. *Moscow University Journal of World Politics*. Vol. 5. No. 2. P. 126–146
- Glazunova E. (2014). Teoreticheskie aspekty sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: sovremennyyi diskurs [Theoretical Aspects of International Development Cooperation: Contemporary Discourse]. *Moscow University Journal of World Politics*. Vol. 6. No. 2. P. 3–33.
- Grueters J. (2008). Human Security and Development: An Ambivalent Relationship. *Security and Human Rights*. Vol. 19. №1: 54–63. DOI: 10.1163/187502308784048519
- ul Haq M. (1995). *Reflections on Human Development*. New York: Oxford University Press. 252 p.
- Hettne B. (1983). Peace and Development Contradictions and Compatibilities. *Journal of Peace Research*. Vol. 20. №4. P. 329–342. DOI: 10.1177/002234338302000404
- Hettne B. (2010). Development and Security: Origins and Future. *Security Dialogue*. Vol. 41. No. 1. P. 31–52. DOI:10.1177/0967010609357040
- Hintjens H., Zarkov D. (eds) (2015). *Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodologies*. London: Routledge.
- Hudson H. (2015). Untangling the Gendering of the Security–Development Nexus. In *Handbook of International Security and Development*. Ed. by P. Jackson. Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing: 47–63.
- Hurwitz A., Peake G. (2014). *Strengthening the Security–Development Nexus: Assessing International Policy and Practice since the 1990s*. New York: International Peace Academy. Available at: http://www.un.org/esa/peacebuilding/Library/Strengthening_SecDev_Nexus_IPA.pdf (accessed: 27.08.2015)
- Jackson P. (2015). *Handbook of International Security and Development*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 475 p.
- Jensen S. (2010). The Security and Development Nexus in Cape Town: War on Gangs, Counterinsurgency and Citizenship. *Security Dialogue*. Vol. 41. No. 1: 77–97. DOI:10.1177/0967010609357038
- Kaldor M. (1999). *New Wars and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: University Press. 192 p.
- Kienscherf M. (2011). A Programme of Global Pacification: US Counterinsurgency Doctrine and the Biopolitics of Human (In)Security". *Security Dialogue*. Vol. 42. No. 6. P. 517–535. DOI: 10.1177/0967010611423268
- Kokoshin A.A., Bartenev V.I. (2015). Problemy vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoy Federatsii: ot tsepolaganiya k prognozirovaniyu [Security–Development Nexus in Strategic Planning in the Russian Federation: From Goal–Setting to Forecasting] *Problemy prognozirovaniya*. №6. (In print)
- Lebœuf A. (2006). Sécurité et développement: acteurs et consensus. *Afrique contemporaine*. No. 2: 69–83.
- Makarychev A.S. (2008). Bezopasnost' i vozvrashchenie politicheskogo: kriticheskie debaty v Evrope [Security and the Return of the Political: the Critical Debates in Europe]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 14. No. 4: 25–40.
- Mavrotas G. (2011). *Security and Development*. Cheltenham: Edward Elgar. 246 p.

- McConnon E. (2014). Security for All, Development for Some? The Incorporation of Security in UK's Development Policy. *Journal of International Development*. Vol. 26. No. 8: 1127–1148. DOI: 10.1002/jid.3011
- McCormack T. (2011). Human Security and the Separation of Security and Development. *Conflict, Security & Development*. Vol. 11. No. 2: 235–60. DOI:10.1080/14678802.2011.572461
- McNeish, J.-A., Lie J.H. S. (2010). *Security and Development*. New York: Berghahn Books. 159 p.
- Minaev M. (2007). Problematika «slabyh gosudarstv» v amerikanskoj analitike. *Mezhdunarodnye processy*. Vol.5. No. 2 (14). P. 86–94.
- Morozov V. (2011). Bezopasnost' kak forma politicheskogo: o sek'yuritizatsii i politizatsii [Security As a Form of Political Issues: On Securitization and Politicization]. *Polis. Political Studies*. No. 3: 24–35.
- Nafziger W., Stewart F., Vayrynen R. (eds) (2000). *War, Hunger, and Displacement: the Origins of Humanitarian Emergencies*. Vol. 1 and 2. New York: Oxford University Press.
- Orjuela C. (2010). The Bullet in the Living Room: Linking Security and Development in a Colombo Neighbourhood. *Security Dialogue*. Vol. 41. No. 1: 99–120. DOI:10.1177/0967010609357039
- Picciotto R., Olonisakin F., Clarke M. (eds). (2007). *Global Development and Human Security*. New Brunswick and London: Transaction Publishers / Springer.
- Reid-Henry S. (2011). Spaces of Security and Development: An Alternative Mapping of the Security–Development Nexus. *Security Dialogue*. Vol. 41. No. 1: 97–104. DOI: 10.1177/0967010610393552
- Rice S.E. (2007). Poverty Breeds Insecurity. In: *Too Poor for Peace? Global Poverty, Conflict, and Security in the 21st Century*. Ed. by Brainard L., Chollet D. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Rykhtik M. (2002). Evolyutsiya ponyatiya "bezopasnost'": ot "zhestkikh ugroz" do "myagkikh vyzovov" [Evolution of 'Security' Concept: From Hard Threats to Soft Challenges]. In *Sovremennye problemy mirovoi politiki: Bezopasnost', konflikty i ikh analiz*. Ed. by M.M. Lebedeva. M.: Aspekt Press. 197 p.
- Saliba-Couture Ch. (2012). *Les liens entre sécurité et développement: De l'évidence à l'ambiguïté*. L'Harmattan. 242 p.
- Sergunin A. A. (2005). Mezhdunarodnaya bezopasnost': novye podkhody i kontsepty [International Security: New Approaches and Concepts]. *Polis. Political Studies*. No. 6: 126–137.
- Spear J., Williams P. (2012). *Security and Development in Global Politics: A Critical Comparison*. Washington, DC: Georgetown University Press. 334 p.
- Stepanova E.A. (2005). *Rol' narkobiznesa v politekonomii konfliktov i terrorizma* [The Role of Drug Business in Political Economy of Conflicts and Terrorism]. — M.: «Ves' mir». 312 p.
- Stern M., Øjendal, J. (2010). Mapping the Security–Development Nexus: Conflict, Complexity, Cacophony, Convergence? *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 1: P.5–29. DOI: 10.1177/0967010609357041
- Stewart F. (2004). Development and Security. *Conflict, Security and Development*. Vol. 4. No. 3: 261–288. DOI:10.1080/1467880042000319863
- Stewart F., Huang C., Wang M. (2001). Internal Wars: An Empirical Overview of the Economic and Social Consequences. In *War and Underdevelopment, Vol. I: Economic and Social Consequences of Conflict*. Ed. by F. Stewart, V. FitzGerald. N.Y.: Oxford University Press: 222–245.
- Thomas C. (1987). *In Search of Security: The Third World in International Relations*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 228 p.
- Tschirgi N. (2006). Security and Development Policies: Untangling the Relationship. In *New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches*. Ed. by S. Klingebiel. Bonn: Dt. Inst. Für Entwicklungspolitik: 39–68.
- Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. (eds) (2010). *Security and Development: Searching for Critical Connections*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 449 p.
- Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. (2010). *The Security–Development Nexus. In Security and Development: Searching for Critical Connections*. Ed. by N. Tschirgi, M.S. Lund, F. Mancini. Boulder: Lynne Rienner Publishers: 1–16.
- Tsygankov P.A. (2011). Chelovecheskaya bezopasnost': teoreticheskie spory i otvetstvennost' uchenykh [Human Security: Theoretical Debates and Scholars' Responsibilities]. In: *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoi politiki: voprosy teorii i praktiki*. Ed. by P.A. Tsygankov. M.: Moscow University Press: 12–29.
- Waddell N. (2006). Ties that Bind: DfID and the Emerging Security and Development Agenda. *Conflict, Security & Development*. Vol. 6. No. 4: 531–555. DOI:10.1080/14678800601066520
- Wilkinson C. (2015). The Securitization of Development. In *Handbook of International Security and Development*. Ed. by P. Jackson. Cheltenham, UK – Northampton. MA. USA: Edward Elgar Publishing: 32–46.
- The World Bank. (2011). *World Development Report 2011: Conflict, Security and Development*. World Bank: Washington, DC. 384 p.
- Yudin N.V. (2015). Sistemnoe prochtenie fenomena myagkoi sily [A Systemic Approach to 'Soft Power' Phenomenon]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 13. No. 2: 96–105. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7